

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВРЕМЯ ВОССТАНИЯ 1863–1864 ГГ. И ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914–1918 ГГ. (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ И ПЕРЕПИСКЕ СОВРЕМЕННОКОВ)

Е. Н. Филатова

*Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая 1, 220072, г. Минск,
Беларусь, уд. Академическая 1. filatova@tut.by*

Военные действия как во время восстания, так и войны резко меняют повседневную жизнь населения любой территории. Об этом свидетельствуют не только разнообразные документальные и иные архивные материалы, но и различные источники личного происхождения (эго-документы). В статье рассмотрены опубликованные источники (воспоминания, переписка, дневники). И, если по восстанию 1863–1864 гг. опубликовано довольно много документов этой группы, то по Первой мировой войне они стали вводиться в научный оборот практически в XXI в., особенно в связи с её столетием. Данные материалы, несмотря на их субъективный характер, дают возможность расширить и углубить представление о жизни различных слоёв общества белорусско-литовских губерний Российской империи во время военных событий.

Ключевые слова: Российская империя; белорусско-литовские губернии; источники; история, повседневная жизнь; восстание 1863–1864 гг.; Первая мировая война.

DAILY LIFE OF THE POPULATION OF THE BELARUSIAN-LITHUANIAN PROVINCES OF THE RUSSIAN EMPIRE DURING THE UPRISING OF 1863-1864 AND THE FIRST WORLD WAR 1914-1918 (ACCORDING TO THE MEMORIES AND CENSUS OF CONTEMPORARIES)

E. N. Filatova

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, st. Akademicheskaya 1, 220072, Minsk, Belarus, str. Academic 1. filatova@tut.by

Military operations, both during an uprising and war, dramatically change the daily life of the population of any territory. This is evidenced not only by the original documents, but also by various memoirs, correspondence, diaries. Many of them were published on the uprising of 1863–1864, in contrast to the First World War, sources on which began to be introduced into scientific circulation almost in the 21st century, especially in connection with its anniversary. They provide an opportunity to see and expand your understanding of the life of the society of the Belarusian-Lithuanian provinces of the Russian Empire during these events.

Keywords: Russian Empire; Belarusian-Lithuanian provinces; sources; history; everyday life; uprising of 1863–1864; World War I.

Изменения в повседневной жизни населения белорусско-литовских губерний наблюдались ещё накануне восстания 1863–1864 гг. Об этом свидетельствуют не только архивные документы, но и различные воспоминания, переписка, дневники. Например, в личном письме одного из

жителей Минска, датированном 1861 г., говорилось: «Минск из тихого и спокойного города превратился в хаос, храмы до этого мирные наполнились духом нетерпимости, постоянно чувствуются пения буйной молодежи» [3, с. 187].

В состав повстанческой организации входили чиновники, патриотически настроенные офицеры русской армии, студенты высших учебных заведений. Состав Литовского провинциального комитета и некоторая характеристика его членов упоминается в воспоминаниях Я. Гейштора: «В Комитет движения входили следующие личности: Константин Калиновский, бывший студент Петербургского университета, прозванный «Хлопом», Зигмунт Чехович, помещик Вилейского уезда, Эндмунд Вериго, также бывший студент, Ян Козелл, офицер русских войск, вилейский помещик, Антоний Залесский, помещик Трокского уезда, Болеслав Длусский, капитан и врач, Ахилл Бонольди, учитель пения; комиссаром от Народного правительства был Дюлеран...» [7, с. 165–166]. Аполлония Сераковская (жена Зигмунда Сераковского) в своих воспоминаниях рассказывает о судьбах членов своей семьи, в том числе и о своем брате Титусе Далевском: «В памяти у меня встает еще одна картина, когда Франтишек сообщил нам о прибытии Титуса из Москвы под чужим именем и о его намерении отправиться на следующий день в отряды Зигмунта. Молча стояла мать, грустно глядя на говорящего. Подбежали сестры – Юзефа и Ксаверия, умоляя, чтобы не высылали Титуса на смерть, ведь Константин уже там. Вы не понимаете, – ответил он, – на войне жизнь и смерть зависит от судьбы, случая. Здесь же смерть неизбежно ведет каждого из нас» [12, с. 65].

Находящиеся на территории белорусско-литовских губерний войска имели более значительный перевес в количестве людей и качестве вооружения, но из-за размещения военных подразделений на достаточно большой территории для быстрого подавления восстания была необходимость в увеличении численности войск в Виленском военном округе. В конце июня 1863 г. из Петербурга прибыла 1-я гвардейская пехотная дивизия (полки: Преображенский, Семеновский, Измайловский и Гатчинский) на смену 2-й дивизии.

14 мая 1863 г. в Вильну приехал М. Н. Муравьев и сделал общий прием чиновников, духовенства и вообще всех городских сословий. «Военные встретили меня хорошо, – рассказывал Муравьев, – с большим радушием и радостью <...>. Гражданские чины, кроме русских, бывших в небольшом числе, встретили меня с видным неудовольствием, а особенно

предводители дворянства и городское общество, преимущественно католическое. Евреи же играли двухсмысленную роль и выказывали будто бы радость, но это было притворно, ибо они везде тайно содействовали мятежу и даже помогали оному деньгами. Римско-католическое духовенство было принято мною в особой зале, и на лицах, и из разговоров их, в особенности же епископа Красинского, заметна была полная уверенность, что я не успею подавить мятеж...» [5, с. 95].

Однако М. Н. Муравьев взялся за дело рьяно. Представляем свидетельство очевидца (из записки В. П. Кулина): «22 мая. Всколыхнулась вся Вильна. С раннего утра по улицам, базарам и площадям бьет барабан: объявляют о смертной казни – она будет сегодня же. На улицах необыкновенное движение – все стремятся в одну сторону, на предместье Лукишки, где должна совершится казнь. С толпой народа бегу туда же. Вот и площадь с роковым столбом – вся залита народом; на окружающих ее высотах виднеются многочисленные группы траурных женщин. Послышались крики: “ведут, ведут!”. Читают приговор; многотысячная толпа, как бы онемела. Раздается залп выстрелов, за ними стоны женщин <...>. Здесь в 10 ч., по приговору военного суда, был расстрелян один из зачинщиков мятежа, викарный ксендз жмудского костела, Лидского уезда, Станислав Ишора» [6, с. 522–523]. Католический епископ Красинский был выслан в Вятку [5, с. 260].

Отношение населения, которое участвовало и поддерживало восстание, к русским чиновникам и военным, а также к православным, нашло отражение в воспоминаниях командира 10-й роты Преображенского полка в Вильно капитана князя Н. К. Имеретинского, который 17 октября 1863 г. был назначен начальником Виленского уезда. Он писал, что из местных чиновников-делопроизводителей ему сразу бросился в глаза один из крещеных татар. Предшественник Имеретинского Тимофеев в шутку называл его «Мустафой» и рассказывал, что при В. И. Назимове тоже арестовывали многих помещиков и помещиц, которых препровождали в уездное полицейское управление. Мустафа, как знаток польского языка, прочитывал захваченную переписку и брал с разных графинь-патриоток и магнатов хорошие выкупы, после чего большая часть заподозренных спокойно возвращалась в свои поместья. При Муравьеве все эти источники доходов вдруг иссякли, и скуластый, курносый, седой Мустафа оказался бессребреником и большим ревнителем православия и русской народности [5, с. 303]. Н. К. Имеретинский также вспоминал, что осенью 1863 г. «хотя вооруженные силы мятежа разлагались; но военная и гражданская

организация “народового Жонда” крепко коренилась в Литве даже при Муравьеве. В самой Вильне, близко от него, проживали польские руководители Малаховский и Калиновский. Они держали в своих руках материальные и нравственные средства революции, поддерживали деятельные сношения с главным Варшавским комитетом и с особым усердием старались устроить подпольную администрацию, особенно кинжальщиков (в их составе были в большинстве гимназисты, аптекарские ученики и др. молодежь)» [5, с. 398].

В 1914 г., с началом Первой мировой войны из мест военных действий – Волыни, Польши, Прибалтики – на восток двигались огромные массы беженцев, переполняя города и местечки неоккупированной части белорусско-литовских губерний. А. Прымако-Онишк, опираясь на воспоминания очевидцев 1914–1916 гг., писала: «Среди прибывших преобладают мещане, много евреев. Почти нет крестьян, хотя многие из них вынуждены были оставить свои дома. Некоторые деревни, что находятся на реке Бобр, под Домбровой и Липским, фронт буквально стер с земли. Население, однако, не убегает в отдаленные от линии фронта города, а прячется в уцелевших соседних деревнях [...]. Наши крестьяне делятся остатками, и так пробиваются люди со дня на день. Страшно подумать, что дорогой ценой могут заплатить люди за свое доброе дело: уже при мне начали болеть тифом и другими болезнями, а при таком положении эпидемии могут свить себе сильное гнездо» [10, с. 20–21].

Весной 1915 г. наступление германской армии и отступление русских началось через территорию белорусско-литовских губерний и Курляндию. В число шпионов Ставка зачисляла и всех евреев. За курляндскими евреями последовало выселение ковенских евреев. 3 мая полиция Ковно объявила, что до 12 часов 5 мая все евреи должны оставить город [1, с. 375]. М. Белевская вспоминала, что «объявление войны всколыхнуло Могилев, как и всю Россию [...]. Первыми ласточками войны были ковенские евреи. Неожиданно весь Могилев наводнился многочисленными повозками, наполненными домашним скарбом, пуховиками и подушками, из которых выглядывали испуганные физиономии стариков, старух и детей. Зрелище было невиданное и каждый останавливался и с удивлением смотрел на эту бесконечную процессию» [4, с. 10].

Летом 1915 г. на восток выезжали не только крестьяне. Мария Лубенская, которая в июле 1915 г. находилась в Варшаве, писала в дневнике: «Северин Святополк-Четвертинский сегодня выехал, хотя является председателем Сельскохозяйственного общества и Общественного

комитета. Кроме Здислава Любомирского, никого из мужчин высшего света нет. Пускай стыд охватит гетманских родов – куда исчезли “давних поляков честь и шляхетность”, а также отвага?» [10, с. 33]

Из многочисленных воспоминаний видно, что в дорогу отправлялось абсолютное большинство шляхты и помещиков. Однако они себя не считали беженцами, беглецами. В письмах, воспоминаниях они говорили о себе как об изгнанниках, которые ехали под принуждением почти как в ссылку. Зато о крестьянах, особенно белорусских и украинских, они писали как о добровольных беглецах. Неоднократно в своих записках эту разницу подчеркивал, например, Владислав Глинка. К тому же с помещиками войска считались больше, многочисленные подтверждения тому можно найти в его воспоминаниях.

Вот еще некоторые примеры воспоминаний о мотивах беженства: Антон Акачук из д. Рогачи: «Казаки ездили по деревням и пугали людей, что немцы обижают женщин без всякого разбора [...] мужчин так всех вешают и стреляют»; Семен Анищук из д. Гусаки: «Сначала попы страшили, что немцы людям глаза выколят [...]. А после казаки верхом ездили и подпалили нашу деревню, а нас повыгоняли в лес»; Прасковья Ефимчик из Москавцов: «Мама в церковь ходила, а там батюшки страшили, что немцы детей в колодцы кидать будут»; Антон Порац из д. Крутовой: «Деревня взбаламутилась и стала убегать, т. к. наступали немцы, про которых говорили, что у них только один глаз, не разговаривают они и мордуют женщин» [2, с. 215].

Летом 1915 г. в прифронтовой полосе в Гродненской, Ковенской, Виленской, Минской и Волынской губерниях прошли еврейские погромы. В конце августа 1915 г., по воспоминаниям современников, «еврейское население напугано и часто спасается бегством. На путях от Вильны, на трактах, в пунктах, где евреев мало, всюду можно наблюдать их заколоченные дома [...]. Но и в больших пунктах беспокойно. В Сморгони, Ошмянах, Вилейке – везде чуть не погромные настроения. Вся судьба евреев зависит от милости этапного командира. В Ошмянах был избит стражник, заступившийся за евреев. В Молодечно для усмирения напившихся солдат было пущено в ход оружие, были убитые и раненые. В Вилейке комендант отдал приказ не трогать население. Без их вмешательства в этих пунктах, где теперь сосредоточены десятки тысяч солдат, положение еврейского населения было бы невыносимо» [1, с. 375, 397, 402].

Е. А. Масальская-Суринова (урожд. Шахматова), которая перед войной проживала с мужем в имении Глубокое, писала: «Я была в Глубоком в начале октября. Наш мирный городок весь превращен в военный лагерь. Бесконечные обозы с провиантом и снарядами тянутся по всем трактам. Грохочут грузовики, шипят автомобили, скачут казаки. Жилые помещения все заняты войсками. Из брошенного монахинями Березвечского монастыря поднимаются наши летчики навстречу высоко парящему немецкому цеппелину» [11, с. 90].

В сентябре 1916 г. в Минскую губернию был назначен новый губернатор князь В. Друцкий-Соколинский. Его первые впечатления о Минске были таковыми: «Во всю ширину улицы-шоссе беспокойною лентой двигались в несколько рядов военные обозы, артиллерийские парки, санитарные повозки и грузовые автомобили. Через каждые 15–20 шагов, наблюдая за движением, стояли городовые и спешенные казаки. Невероятный шум, грохот и крики носились в воздухе» [3, с. 224].

В результате военных действий Первой мировой войны в октябре 1915 г. русско-германский фронт стабилизировался по линии Двинск – Браслав – Поставы – Сморгонь – Барановичи – Пинск – Луцк. На запад от этой линии было создано армейское административное ведомство Обер Ост с общей площадью 1008,8 тыс. км² под руководством немецкой военной администрации. Ставка германских войск разместилась в пассажирских вагонах на станции Брест-Литовск. Как писал немецкий генерал Э. Людендорф: «О самом городе речь не шла: он выгорел дотла, но сохранилась цитадель, которая использовалась как маленькая тюрьма. Комендат крепости устроил там себе жилую квартиру и рабочий кабинет, но у него не было рабочих, чтобы привести цитадель в мало-мальский порядок» [8, с. 197]. Осенью 1915 г. германское военное начальство характеризовало регион Вильно – Белосток – Гродно следующим образом: «страна была в результате войны в запущенном состоянии [...]. Население частью добровольно ушло с отступавшими русскими, а частью было ими уведено принудительно. Местами оно попряталось в лесах и теперь постепенно возвращалось домой. Но все-таки, много сельских владений были покинуты. Урожай еще не был снят. Как будет обстоять дело с его обработкой, было неизвестно. Власти не было никакой. Русские правительственные чиновники и судьи, все представители администрации и интеллигенции покинули страну. Не было ни полиции, ни жандармерии, и лишь духовенство обладало авторитетом» [8, с. 185].

На оккупированной территории были созданы лагеря для военнопленных. В оригинальной работе М. Понтье, в которой на французском, в переводе на белорусский и русский языки, даны письма и воспоминания военнопленных офицеров французской армии, в том числе и капитана Шарля де Голля, которые находились в лагере в Щучине [9, с. 102, 107, 108]. В июне – июле 1916 г. здесь было 38 военнопленных французских офицеров. Среди них капитан Шарль де Голль, капитан Луи Сальмон, лейтенант Августин Гийом и др. Пленных разместили на втором этаже в помещении бывшего завода. Для каждого человека была кровать и два тонких одеяла. Матрасов и постельного белья не выдавали, был только тюфяк набитый опилками. В помещении были 4 больших стола из досок на колодах, и скамейки из необработанных досок. Для умывания использовали тазик и маленькое полотенце. Каждому выдавалась вилка, ложка и металлический котелок. Еду и питье подавали в больших чугунах. Утром, в полдень – кофе и большой чугунок супа, в котором плавало несколько кусочков мяса. Вечером – только кофе. Утром пленные могли спуститься во двор. Однако военнопленные могли получать посылки, включая консервы в банках, которые можно разогреть во дворе на костре. В лагере была столовая-магазин, где можно было купить табак, туалетную бумагу и другие необходимые вещи. В своих письмах капитан Л. Сальмон писал о необходимости внести в ближайшее время оплату аренды немцам: как ни странно, они рассматривали французов как квартирантов, снимающих жилье в лагере. 3 сентября 1916 г. в нем была указана цена арендной платы – 3 марки в месяц.

В первое время заключенные не имели права присутствовать на богослужении. За весь срок пребывания в Щучине были проведены лишь три службы. В лагере находились и русские военнопленные, которые выполняли работы за пределами лагеря и имели возможность покупать разные продукты для французов. 2 августа 1916 г. произошел инцидент. Русским было запрещено петь свой гимн в день годовщины начала Первой мировой войны. В знак солидарности с ними и в знак протеста против немцев французские офицеры пели «Марсельезу». 26 сентября русских перевезли в другой лагерь. В лагере были и свои развлечения. 16 сентября 1916 г. французы организовали блошиные бега на самодельном «блошином плоту» (как они его называли), который исполнял роль своего рода «ипподрома». Паразитов на теле было так много, что когда майор Пети попал в гродненский лазарет для лечения травмы ноги, врачам пришлось провести антисанитарную обработку. Из писем капитана Л. Сальмона:

«Сентябрь 1916. Донесите до французского правительства, что немецкие власти передают нам сообщение от министерства Германской империи, в котором говорится, что Щучин не является карательным лагерем, он создан для оказания услуг. При этом наше здание протекает, крыша всюду дырявая, отсутствует отопление, освещение, простыни, ванная, душ, туалеты. Столовая закрыта, на маленьком дворике находятся и русские солдаты; повсюду блохи [...]. Мы настоятельно требуем аналогичного обращения с немецкими офицерами, находящимися в заключении во Франции»; «16 июня 1916 г. Повесили троих русских»; «27 июня. Приказ, запрещающий говорить с русскими»; «14 июля. Демонстрация радости (братание) между заключенными. Русские солдаты поют русский гимн и проходят торжественным маршем»; «28 августа. Обед подан в 3 ведрах из туалета»; «15 сентября. Блошиные бега» [9, с. 115, 125, 126].

На неоккупированной территории белорусских губерний продолжалась жизнь, выходили газеты, проходили заседания различных комитетом и др. Так, в конце февраля 1917 г. в Минске состоялось собрание губернского земства, на заседании которого и получили сообщение о произошедшем 1-го марта перевороте в Петрограде. Но как писал участник этого собрания Э. Войнилович «upadek caratu nikogo tak dalece nie smucii» [13, с. 196].

Таким образом, информационный материал, который содержится в различного рода документах личного происхождения, несмотря на их субъективный характер, дают возможность провести глубокий анализ состояния дел и расширить представление о повседневной жизни различных слоёв общества белорусско-литовских губерний Российской империи во время военных событий второй половины XIX – начала XX в.

Библиографический список

1. Архив еврейской истории. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2005.
2. Бежанства 1915 года. Беласток: Podlaska Spółdzielnia PNU, 2000.
3. Бригадин П. И., Лукашевич А. М. Минские губернаторы. История власти. Минск: ГИУСТ БГУ, 2009.
4. Белевская М. (Летягина). Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве. 1915–1918 г. Личные воспоминания. Вильно: М. Ф. Соколов, 1932.
5. Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском. М.: Институт русской цивилизации, 2014.
6. Дакументы і матэрыялы по гісторыі Беларусі. Т. 2. Мінск: выд-ва АН БССР, 1940.
7. Калиновский К. Из печатного и рукописного наследия. Минск, 1988.
8. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.-Минск: АСТ Харвест, 2005.
9. Понтье М. Третий лагерь капитана де Голля. Минск: [б. изд-ва], 2020.

10. Прымака-Онiшк А. Бежанства 1915. Забытыя ўцекачы. Смаленск: Інбелкульт, 2019.
11. Чикалова И. Р. [Не] забытая война. Первая мировая война в документах, публицистике, воспоминаниях и исследованиях современников (1914–1941). Минск: Беларуская навука, 2022.
12. Sierakowska z Dalewskich A. Wspomnienia. Warszawa: Neriton, 2010.
13. Woyniłowich E. Wspomnienia. 1847–1928. Cz. 1. Wilno: dr. J. Zawadzkiego, 1931.

ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА В СССР ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

М. А. Шабасова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
shabasovamarina@gmail.com*

Первая пятилетка, проводимая в Советском Союзе в 1928–1932 гг., вызвала огромный интерес в западных странах, страдавших от Великой депрессии. Плановая экономика казалась ответом на хаос и непредсказуемость капитализма и неконтролируемого рынка. Информацию об экономических и социальных процессах в СССР западный читатель мог почерпнуть из статей и книг, написанных работавшими в Советском Союзе журналистами. Будучи ограниченными цензурой, они не имели возможности резко критиковать советские реалии, пока находились в стране. Признавая необходимость индустриализации, по возвращении домой, многие высказали на страницах книг и периодических изданий критику как методов процесса, так и той цены, которую пришлось заплатить за строительство советской промышленности.

Ключевые слова: американские корреспонденты; первая пятилетка; цензура; Отдел печати НКВД.

THE FIRST FIVE-YEAR PLAN IN THE EYES OF AMERICAN CORRESPONDENTS

M. Shabasava

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030,
Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: M. Shabasava shabasovamarina@gmail.com*

The First Five-Year Plan implemented in the Soviet Union in 1928–1932 sparked great interest in the Western countries that suffered of Great Depression. Planned economy looked like a response to the chaos and unpredictability of capitalism and uncontrolled market. The information on the Soviet political and economic processes could be taken from the books and articles written by the journalists who lived and worked in the USSR. Being restricted by the censorship, they could not be critical towards the Soviet Union while in the country. However when foreign correspondents went back home they wrote memoirs and articles criticizing the methods of industrialization and high price paid by the Soviet people for the rapid development.

Keywords: American correspondents, the First Five-Year Plan, Press Department of the People's Commissariat of Foreign Affairs.